

Мысль о том, что Ши Цзянь может получить награду, казалась немыслимой для всех, за исключением одного человека – Ли Фаня.

Только этот режиссер, закончив съемки с Ши Цзянем, был близок к настоящему безумию.

Он был абсолютно убежден: если в этом мире и остался хоть один актер, способный достойно воплотить эту роль и забрать награду, то это мог быть только Ши Цзянь. Других вариантов просто не существовало.

До того как пришло известие о победе, Ши Цзянь, постепенно возвращаясь к своему привычному состоянию, пришел в компанию, и каждый встречный вел себя крайне странно.

Развлекательная компания Синхань представляла собой лишь самое неприметное и крошечное дочернее предприятие, находившееся под крылом Редженс Медиа. Ши Цзянь пробыл здесь три года, числясь в штате лишь номинально, и почти не имел реальной работы.

Большую часть времени он проводил в зоне отдыха, в тишине изучая чужие сценарии или поливая растения во внутреннем дворике компании, при этом он проговаривал реплики, обращаясь к цветам так, словно перед ним стояли настоящие партнеры по сцене.

То, что окружающие смотрели на него свысока, было вполне ожидаемо и даже естественно.

Даже актер второго плана в Синхань считался здесь столпом компании, а актер Сюй Но, на которого руководство возлагало основные надежды, испытывал особое презрение к этому «беспристрастному» облику Ши Цзяня.

«Чтение книг – всего лишь показуха, уход за цветами – попытка создать имидж, а эта его "беспристрастность" – не более чем способ неудачника сохранить лицо».

Такова была его оценка Ши Цзяня.

На самом деле они даже не были конкурентами, но Сюй Но просто раздражал этот безразличный вид Ши Цзяня.

С чего он вообще взял, что имеет право быть настолько равнодушным? Этот мир был до ужаса жесток, и кто из них не ходил по лезвию ножа, буквально выгрызая зубами малейший шанс на успех?

Кто-то пробивался благодаря покровителям и связям, кто-то – благодаря удаче и счастливому случаю, и каждый ставил на кон всё, балансируя на натянутом канате.

Он и сам уже сбился со счета, сколько ночей провел без сна, сколько фальшивых банкетов посетил и сколько унижений пришлось стерпеть, заучивая реплики до автоматизма и превращая свое лицо в непробиваемую маску, лишь бы дожидаться заветного шанса.

И на этом фоне появлялся такой человек, как Ши Цзянь. Он всегда выглядел мягким и податливым, и казалось, ему было совершенно всё равно, направлена ли на него камера, кто его толкает или кто по нему топчется. Он сносил всё с кротостью, ни за что не боролся, словно вообще принадлежал иному миру.

С чего он взял, что имеет на это право?

Больше всего Сюй Но не выносил именно этого спокойствия.

Эта «отстраненность» Ши Цзяня делала его собственные отчаянные усилия донельзя жалкими.

Поэтому насмешки над Ши Цзянем стали для него единственным способом доказать самому себе, что его старания «чего-то стоят».

- О, ты всё еще в Синхань? - Сюй Но вошел в зону отдыха выпить кофе и, словно только заметив человека, который всегда там находился, изобразил удивление. - Прости, в последнее время был слишком занят, не думал, что ты еще не на съемках, решил, что ты расторг контракт.

Ши Цзянь закрыл книгу и вежливо улыбнулся:

- Да, жду здесь.

Его голос звучал без тени обиды; он действительно просто ждал, как и сказал.

Сюй Но, который сам же и спровоцировал этот конфликт, с такой силой сжал в руке бумажный стаканчик, что тот смялся. Выдавлив из себя подобие улыбки, он ушел.

Ши Цзянь принял стакан воды, который подал ему ассистент, коротко поблагодарил его и вернулся к чтению.

Он, конечно, понимал «недобрые намерения» Сюй Но, но для Ши Цзяня это не имело никакого значения.

Впрочем, находились и те, кто не мог спокойно смотреть на происходящее. Хун Лин всегда твердила, что Ши Цзянь слишком добр и позволяет другим вытирать об себя ноги, поэтому, сталкиваясь с Сюй Но, она неизменно огрызалась в его защиту.

Ши Цзяню очень хотелось остановить Хун Лин, и он всегда повторял:

- Всё в порядке. Он не желает мне зла, - добавлял Ши Цзянь.

На самом деле он просто хотел избавить госпожу Хун от необходимости «защищать справедливость» ради него, ведь для него такая опека тоже становилась своего рода обузой.

Хун Лин, досадуя на его мягкотелость, воскликнула:

- Только такой добряк, как ты, может всерьез полагать, что он не желает зла.

В этом месте она была подобна странствующему рыцарю, постоянно вступая в перепалки с Сюй Но из-за Ши Цзяня.

В действительности они почти не пересекались, ведь у каждого была своя работа. И только такой «бездельник», как Ши Цзянь, постоянно попадался всем на глаза.

- Тебе стоит побороться за себя, - часто наставляла его Хун Лин.

Она смотрела на Ши Цзяня и говорила с глубоким чувством:

- Хотя в индустрии развлечений полно красивых людей, ты совсем другой.

В чем именно он был другим?

Ши Цзянь и сам не знал.

Возможно, только для Чу Юня он был особенным... хотя нет, это было совсем не так, он был совершенно таким же...

Эти слова, похожие на скороговорку, заставили Ши Цзяня погрузиться в раздумья, пытаясь всё разложить по полочкам.

- Тебе просто не везет, - продолжала Хун Лин. - Но как только у тебя появится шанс получить достойный сценарий и сняться в полном метре, ты обязательно прославишься.

Она и сама всем сердцем стремилась к большому экрану, но, к сожалению, пока была вынуждена перебиваться второстепенными ролями в сериалах.

Многие обнаруживали свои недостатки именно на большом экране, но встречались и те немногие, чье обаяние в кино усиливалось настолько, что от них становилось невозможно отвести взгляд - в этом заключалась уникальная магия кинематографа и его художественность.

У Ши Цзяня всё это было в избытке.

- Спасибо тебе, - Ши Цзянь очнулся от своих мыслей, зная, что она искренне желает ему добра.

Хотя чаще всего он хотел, чтобы она просто не замечала его, он всё равно был благодарен ей за доброту и время от времени дарил ей небольшие подарки.

Он искренне пожелал:

- Надеюсь, ты скоро получишь хороший сценарий.

- Это тебе стоит пожелать! - Хун Лин снова досадовала на его нерешительность. - Я же говорю: попытайся добиться своего, не пропускай мои слова мимо ушей.

Но, к сожалению, не дождавшись выхода фильма «Безымянная птица», эта подруга, которая была ему почти сестрой и так отчаянно хотела, чтобы Ши Цзянь снялся в кино, покинула компанию.

Впрочем, для неё самой это стало прекрасной новостью.

- Возможно, теперь и я смогу сняться в кино! Я же говорила тебе с самого начала: борись, нужно бороться! В день своего ухода она специально пришла попрощаться с Ши Цзянем, всё еще не оставляя попыток научить его «бороться».

Видя, что он остается равнодушным и совершенно не поддается её наставлениям, Хун Лин вздохнула и протянула Ши Цзяню свой телефон:

- Столько времени прошло, а у нас даже контактов нет. Если Сюй Но снова будет тебя обижать - звони мне.

- Поздравляю, - искренне сказал Ши Цзянь, а затем с извиняющейся улыбкой добавил: - Надеюсь, мое «незевание» не затронет тебя.

Этот отказ не был обидным, и Хун Лин не расстроилась – она, разумеется, с радостью устремилась навстречу своему лучшему будущему.

И она, конечно же, не подозревала, что сама возможность выйти на «работу» уже была для Ши Цзяня огромной удачей.

До того как попасть в Синхань, еще до переезда в резиденцию Чжоуинь, единственным «рабочим местом» Ши Цзяня была квартира на одном из этажей высотки, а суть его работы заключалась в том, чтобы день и ночь ждать прихода хозяина.

То, что Чу Юнь в итоге позволил ему выйти в свет, стало заслугой его болезни, а также определенным достижением Тун Хуа, благодаря которому Чу Юнь во что бы то ни стало хотел, чтобы Ши Цзянь остался жив.

Что же касается того, почему он выбрал путь актера, то, по мнению самого Ши Цзяня, это было своего рода «дополнительной учебной программой».

Однако Ши Цзянь неожиданно для самого себя полюбил эту работу; она давалась ему легко, и даже простое произнесение пары реплик приносило ему истинную радость.

Для большинства людей, мечтающих об актерской карьере, ссылка в малоизвестную компанию стала бы началом настоящего кошмара, но только не для Ши Цзяня.

Когда Ли Фань внезапно появился в Синхань, вся компания погрузилась в хаос, и только Ши Цзянь остался в стороне, сохраняя спокойствие.

Никто не ожидал, что «Безымянная птица» окажется работой Ли Фаня, и уж тем более никто не мог даже вообразить, что этот шанс, о котором мечтала вся индустрия, достанется именно Ши Цзяню.

Как только имя Ши Цзяня было произнесено на церемонии вручения «Оскара», телефоны руководства Редженс Медиа завибрировали почти одновременно.

Даже господин Ван из Синхань лишь в момент звонка от самого высокого начальства узнал, что человек, которому было приказано оберегать от бед, но при этом не вмешиваться в его дела, был связан с самой верхушкой корпорации Чэньхуа.

Чу Юнь сказал, что это и есть та самая внезапная слава, которой, по его мнению, хотел Ши Цзянь.

Именно так.

Внезапная слава.

Но, как говорил сам Ши Цзянь, он никогда к ней не стремился.

Чу Юнь его не слушал.

Он был в ярости от того, что птица, которую он сжимал в ладони, не давая сделать ни шагу, теперь пыталась вырваться, шаг за шагом обретая свободу. Он бесился от мысли, что его

собственность, принадлежавшая лишь ему одному, может добиться успеха и перестать быть его исключительным владением.

Ши Цзянь всё это понимал.

Стеклянная дверь в конце коридора тихо закрылась, отсекая от него язвительные слова и споры, оставшиеся снаружи. Дневной свет мягко струился сквозь высокий стеклянный купол. Он шел босиком по теплому деревянному полу, едва касаясь пальцами ног только что проклюнувшихся ростков.

- Здравствуй, - тихо произнес он.

Это был совершенно иной мир.

С трех сторон его окружали панорамные окна; ветви и листья густо оплетали цветочные подставки. На подоконнике выстроился ряд разноцветных стеклянных бутылок разной высоты, и свет, переливаясь между ними, рассыпался множеством мелких бликов. В керамических горшках медленно расправляли свои лепестки пионы, а в углу безмолвно росла лаванда.

На центральной полке, обладая захватывающей дух красотой, цвела та самая синяя орхидея.

Неизвестно, какой высокопоставленный клиент, которому нельзя было отказать, прислал этот цветок, но Чу Юнь небрежно бросил его сюда. Ши Цзянь, словно находясь перед лицом смертельной опасности, учился ухаживать за этим дорогим и нежным растением. Он заботился о нем так же, как о сердце Чу Юня - бережно, но с четким осознанием того, что оно может увянуть в любой миг.

Он даже шептал ей:

- Если Чу Юнь увидит, что ты так прекрасно цветешь, он, наверное, обрадуется, правда?

Но орхидея не умела говорить, а Чу Юнь никогда бы не ответил.

Те несколько горшков с плющом и сциндапсусом на подоконнике, которые разрослись

настолько, что заняли почти всю стену, Ши Цзянь подобрал два года назад в мусорных баках компании. Они были настолько неприхотливы, что могли тихо существовать, имея лишь немного воды и света, и именно поэтому их выбрасывали при первых же признаках увядания. Оказавшись в его руках, они не требовали особого ухода и разрослись лучше любых элитных цветов, хотя и выглядели совершенно неуместно в этой чрезмерно роскошной стеклянной оранжерее.

Даже горшки, в которых они теперь сидели, стоили целое состояние.

В доме Чу Юня не допускалось присутствие чего-то дешевого. И даже если он, безглаголиво морщась, терпел эти растения, то всё равно требовал пересадить их в дорогие горшки.

Ши Цзянь уже позаботился о них, но в этот раз он пришел сюда ради самого себя. Он буквально погрузился в эту группу безмолвных растений.

Как можно радоваться «внезапной славе»?

Ши Цзянь чувствовал, что грустит не из-за внешних обстоятельств, а из-за того, что Чу Юнь ни на йоту, ни на самую малость по-настоящему его не понимал. Именно поэтому он не знал, что Ши Цзяню всё это не нравится.

Ши Цзянь не мог легко контактировать с людьми; его зона комфорта никогда не была по-настоящему комфортной – она всегда находилась там, где были заточение и ограничения.

Прямо здесь.

Он прислонился к цветочной подставке, глядя на стеклянные бутылки, сверкающие в лучах света. Если этот солярий был своего рода «галереей наследия» для растений, то эти стеклянные бутылки, как и сам Ши Цзянь, были лишь подделками, выдававшими себя за драгоценности.

Он тоже был сциндапусом в дорогом горшке, которому пока не хотелось делать ни единого шага за пределы этого места.

- Господин всё еще в солярии... - тихо доложил дворецкий Чжоу Ян.

Чу Юнь, который ушел, оставив Ши Цзяня, и вернулся лишь глубокой ночью, измотанный до предела, услышав это сообщение, всё еще сжимал в пальцах полурасстегнутый галстук. Он усмехнулся:

- Голодовка?

Чжоу Ян замер, не смея даже дышать, и, поколебавшись, всё же набрался смелости произнести:

- Господин всегда следит за своей формой, думаю, это не...

Слова «он просто обижается на вас» не успели слететь с его губ - Чу Юнь бросил на него такой взгляд, что дворецкий тут же умолк. Когда шаги удалились, он наконец облегченно выдохнул.

Дела снаружи раздражали до крайности, а вернувшись домой и услышав, что кто-то играет с ним в детские игры, он разозлился еще сильнее.

В солярии горел лишь тусклый настенный светильник, создавая атмосферу глубокого спокойствия. Когда дверь распахнулась от удара ноги, показалось, будто внутрь ворвался ледяной зимний ветер.

Чу Юнь ворвался в комнату, источая запах алкоголя и ярость, отчего все растения вокруг, казалось, задрожали. Прежде чем Ши Цзянь успел подняться, ближайший к Чу Юню горшок вместе с цветком был отброшен в сторону и с грохотом разбился вдребезги в углу.

- Набрался смелости угрожать мне? - Чу Юнь в полумраке приближался шаг за шагом, и четкий, ритмичный стук его тупель по деревянному полу резал слух Ши Цзяня.

Ши Цзянь встал, нахмурившись от непонимания.

Раздался резкий звон разбивающегося стекла. Чу Юнь небрежно провел рукой по полкам, и одним движением длинного пальца сбросил разноцветные бутылки; они одна за другой падали, взрываясь в тишине ночи резким звоном.

- Чу Юнь! - низким голосом позвал его Ши Цзянь.

Чу Юнь рассмеялся.

- Кто позволил тебе называть меня по имени? - он резко раскрыл ладонь и сжал горло Ши Цзяня. - Кто ты такой?

Его смех и слова были слишком жестокими; цветы и травы в комнате дрожали, качая ветвями.

Ши Цзянь слегка положил руку на запястье, сжимавшее его горло, и снова позвал:

- Молодой господин.

Рука, которую он обхватил, мгновенно напряглась, и в комнате воцарилась тишина.

- Что такое? Жалко этот дешевый хлам? - Чу Юнь дышал часто, от него исходил сильный запах алкоголя.

Ши Цзянь не мог говорить и не издавал ни звука.

- Что такое? Очень хочешь отсюда уйти? Тебе грустно? - Чу Юнь усмехнулся, ласково потираясь о его ушную раковину. - Ты собираешься уйти, а как же я?

Он говорил так, словно не мог потерять Ши Цзяня, но Ши Цзянь знал, что эти слова адресованы вовсе не ему.

Чу Юнь приблизился и лизнул его губы, которые жадно ловили воздух; он прижался ближе и, выдыхая, прошептал, словно демон:

- Как насчет того, чтобы сломать тебе ноги? - сказав это, он внезапно пришел в возбуждение, словно придумал отличную идею, и грубо сорвал с себя небрежно висевший галстук. В тот момент, когда Ши Цзянь от бессилия осел на пол, он с силой прижал его к поверхности.

Стеклянный купол позволил лунному свету проникнуть внутрь, окутав насильника призрачной нежностью. Чу Юнь разжал руку и вместо этого крепко связал галстуком запястья Ши Цзяня.

Ши Цзянь отвернулся, отчаянно дыша и сильно кашляя; он чувствовал во рту металлический привкус крови от лопнувших капилляров.

- ...

Он так сильно кашлял, что Чу Юнь не расслышал его слов. Чу Юнь нахмурился, наклонился и прижал ухо к его дрожащим губам, наконец разобрал:

- Ты поранился?

Воздух застыл на мгновение.

А затем последовал почти укусывающий поцелуй, такой силы, что, казалось, он раздавит эту стеклянную комнату. Галстук глубоко врезался в запястья, оставляя яркие красные следы, и комната наполнилась тяжелым, сбитым дыханием.

Связанные руки Ши Цзяня нежно обхватили лицо Чу Юня, отвечая на страстный поцелуй, и вскоре его руки, словно несокрушимая клетка, заключили Чу Юня в объятия. Галстук всё еще туго стягивал их, связывая еще крепче в ритме их движений.

- Всё хорошо, - прошептал Ши Цзянь, целуя его горячий кончик уха, пока тот не мог сдержать стонов. - Не бойся.

В момент предельного трепета, когда молодой господин достиг пика блаженства, эти два слова прозвучали именно так, как полагалось - со слезами в голосе.

- Тун Хуа!.. Не уходи от меня... - сказал он.

Спутанный галстук наконец соскользнул, упав рядом с переплетенными фигурами. Свет упал на ту самую дорогую орхидею, отражая холодный лунный свет, который лег на лицо Чу Юня. Оно было влажным, словно он плакал.

- Хорошо, - Ши Цзянь поцеловал этот лунный свет и тихо ответил: - Молодой господин.

<http://bllate.org/book/17941/1720608>